

Д. Н. Старостин, Е. В. Кулешова

**ПОЗДНЯЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ В ВОЗЗРЕНИЯХ
РАННИХ ГУМАНИСТОВ И ПРОБЛЕМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
ПЕРЕХОДА К СРЕДНИМ ВЕКАМ**

Исследование идеи империи как исторического феномена, как общеевропейской силы и как идеала политического и общественного устройства в период масштабных трансформаций в области исторического знания в раннем Новом времени в сознании историков рассматриваемой эпохи представляется важной темой для понимания процесса возникновения современной научной исторической парадигмы. Необходимость обращения к ней объясняется глубиной заимствования и использования ими античных концепций устройства и социума, в частности, идеи республики и ее антитезы, идеи империи. Актуальность темы предопределена малой изученностью использования идеи империи в сочинениях историков эпохи гуманизма и Возрождения как самостоятельной концепции, а также масштабом трансформаций в области исторического знания в раннем Новом времени, который требует глубокого исследования даже ранее затронутых проблем формирования исторической парадигмы. Если распространение концепции республики в хрониках итальянских городских коммун получило достаточное освещение, по крайней мере в виде исследования идеального образа устройства социума и образов «хорошего» и «дурного» правления¹, то динамика соотношения империи и республики как базовой дихотомии сознания образованных людей и историков истории раннего Нового времени, не получила доста-

¹ *Hankins, J. Machiavelli, civic Humanism, and the Humanist politics of virtue, in: Italian culture, 2014. Vol. 32. No 2. P. 101.*

точного освещения в трудах исследователей. Более того, история обращения в этот период к империи как идеалу политического устройства в силу универсальности ее функций и миропорядка на основаниях мира и стабильности и, одновременно, как к примеру государственного устройства, которое рассматривалось с некоторым сомнением в силу слишком большого единовластия и даже тирании, описана только лишь фрагментарно². Статья ставит своей целью при исследовании традиционной дихотомии «республика — империя» уделить больше внимания именно второй ее части как системообразующей концепции мышления историков в этот период. Проблемой исследования является проблема отношения к идее империи как общеевропейской силы и как основы в период значительной трансформации системы ценности в общем и представлений об истории в частности на переломе позднего Средневековья и раннего Нового времени.

На настоящий момент в зарубежной литературе существует значительное количество работ по процессам трансформации исторического мировоззрения в работах историков эпохи Возрождения, хотя тема отношения к проблеме падения Западно-Римской империи и возрождения самой идеи в Средневековье не привлекала значительного внимания³. Отечественные исследователи тоже

² Skinner, Q. *The Foundations of Modern Political Thought*. Cambridge, 1978. Vol. 1: *The Renaissance*. P. 3–12; Grell, C. *L'histoire au service d'ambitions hégémoniques. La monarchie française et l'instrumentalisation du passé au XVIIe siècle*, in: *Les cours d'Espagne et de France au XVIIe siècle* / Éd. C. Grell, B. Pellistrandi. Madrid: Casa de Velázquez, 2007; Grell, C. *Références historiques et modèles politiques: Images du pouvoir impérial en Europe XVIe–XVIIIe siècles*, in: *Revista de historiographia*, 2011. Vol. 14. P. 4–11; Бобкова, М. С. Новоевропейская варварология в исторических трактатах XVI в., в кн.: *Цивилизация и варварство*, 2013. Вып. 2. С. 246–269.

³ Burke, P. *The Renaissance sense of the past*. London, 1969; Cochrane, E. W. *Historians and historiography in the Italian Renaissance*. Chicago, 1981; Coleman, E. *Lombard City Annals and the Social and Cultural History of Northern Italy*, in: *Chronicling History: Chroniclers and Historians in Medieval and Renaissance* / Ed. by S. Dale, A. W. Lewin, et al. University Park, 2007. P. 1–28; Connell, W. J. *Italian Renaissance Historical Narrative*, in: *The Oxford History of Historical Writing* / Ed. by J. Rabasa, M. Sato, et al. Oxford, 2012. Vol. 3: 1400–1800. P. 347–363; Kelley, D. R. *Foundations of modern historical scholarship: Language, law, and history in the French Renaissance*. New York, 1970; Struever, N. S. *The language of history in the Renaissance: Rhetoric and historical consciousness in Florentine humanism*. Princeton, 1970.

стали уделять внимание этим темам, в результате чего появился ряд работ, посвященных формированию исторической концепции в раннем Новом времени⁴. Однако этих работ явно недостаточно. В большинстве работ тема обращения историков раннего Нового времени к империи как историческому феномену как правило ограничивается причинами падения Западно-Римской империи и периодизации этого процесса. Обращаясь к историческим воззрениям гуманистов, современные исследователи, как правило, ограничивались общей характеристикой их взглядов в том, что касается ухода в прошлое античного общества и Римской империи и смены их средневековым укладом. Как правило, исследование этого вопроса ограничивается вопросами хронологии падения Западно-Римской империи и, иногда, попыткой рассмотреть причины падения в изображении историков-гуманистов. Традиционно исследование гуманистических концепций истории перехода от поздней Античности к Средневековью заключалось в изучении представлений флорентийского историка и канцлера Республики Леонардо Бруни (1370–1444), а также папского секретаря Флавио Бьондо (1392–1463) и основателя *Academia Romana* Помпонио Лэто (1428–1498).

Однако представляется, что феномен империи как абстрактной идеи и как конкретно-исторического феномена был для историков-гуманистов намного глубже, чем кажется. Проблемы формирования нового исторического взгляда и новых представлений образа об империи как исторической концепции Античности, так и феномене раннего рассматриваются в отдельных работах, посвященных восприятию и формированию истории поздней Средневековья в раннем Новом времени и, одновременно, уточнению отдельных

⁴ Бобкова, М. С. Соотношение объективности и субъективности в поисках исторической истины в сочинениях раннего Нового времени, В кн.: *Проблемы исторического познания*, 2012. Вып. 1. С. 130–142; Бобкова, М. С. Новоевропейская варварология; Старостин, Д. Н., Кулешова, Е. В. Проблема прихода к власти Меровингов в трудах французских эрудитов XVI в. сквозь призму истории о Хильдерике, В кн.: *Молодой ученый*, 2015. Вып. 13. С. 551–556; Старостин, Д. Н., Кулешова, Е. В. Французские историки XVI в. о начале истории королевства франков: Публикация глав о приходе к власти короля Хильдерика (ум. 481/482) из сочинений Бернара Дюгайяна (1535–1610) и Клода Феше (1530–1602), В кн.: *Молодой ученый*, 2015. Вып. 17. С. 402–412.

вопросов по истории перехода от поздней Античности к Средневековью, об историографии истории поздней Римской империи и идее империи как политического и культурного феномена в раннем и высоком Средневековье. В ряде публикаций было показано, что представления об истории Римской империи стали для историков раннего Нового времени одной из центральных тем исследователей этого периода, что историки адаптировали свои представления об империи к той ситуации, которая сложилась в Европе в раннем Новом времени, что в результате исследований истории поздней Античности и раннего Средневековья идея империи стала объединяющим фактором интеллектуального ландшафта, и что споры об империи и ее взаимоотношениях с варварами стали одной из тем, определяющих лицо как лицо ученого сообщества, так и характер ученой дискуссии⁵. Однако представляется, что есть возможность более глубоко исследовать представления об истории Римской империи, о ее судьбе и значимости ее для средневековой Европы в сочинениях гуманистов.

Идея имперской власти в Средние века существовала, как считали в течение долгого времени исследователи, в контексте представлений о передаче ее легитимности от одной империи (так называемая «*Translatio imperii*»)⁶. Она была основным средством поддержания легитимности не только власти императоров, но и королей, так как правители Франции, например, активно использовали ее, чтобы считать именно себя наследниками имперской идентичности⁷. Однако существенные преобразования общества и сознания в высоком Средневековье создали для историописания, посвященного истории империй в целом и Римской империи в частности, особую функцию системы представлений, призванных

⁵ *Starostin, D. N., Kuleshova, E. V. French érudites and the construction of Merovingian history, in: Historia da Historiografia, 2016. Vol. 21. P. 77–95; Старостин, Д. Н., Кулешова, Е. В. Проблема прихода к власти Меровингов; Старостин, Д. Н., Кулешова, Е. В. Французские историки XVI в.*

⁶ *Goez, W. Translatio imperii: Ein Beitrag zur Geschichte des Geschichtsdenkens und der politischen Theorien im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Tübingen, 1958. S. 17–36; Seebald, C. Libretti vom «Mittelalter»: Entdeckungen von Historie in der (nord)deutschen und europaischen Oper um 1700. Tübingen, 2009. S. 16.*

⁷ *Canning, J. Ideas of Power in the Late Middle Ages, 1296–1417. Cambridge, 2011. P. 23.*

путем обращения к империям прошлого ответить на вопросы существования Священной Римской империи в современных для авторов исторических сочинений условиях⁸. *Translatio imperii* само по себе не обеспечивало веры в стабильность миропорядка⁹. Именно из понимания кризиса империи и политического порядка в целом и родилась основная функция историописания высокого и позднего Средневековья, обращение к истории для ответа на вопросы, поставленные современностью¹⁰. Кризис Священной Римской империи, отразившийся уже в исторических сочинениях Оттона Фрейзингенского, привел к постепенному распространению в позднем Средневековье как неверия в будущее империи как значимой политической структуры власти, объединявшей Европу, так и повышенному интересу к тому, что из себя должна представлять империя в идеале¹¹. Так, уже у этого автора мы замечаем, что в период наибольших потрясений в империи в середине XII в., когда созданное королями и императорами из саксонской и салической династий подвергалось сильному давлению в результате гражданской войны (1143–1145 гг.), этот историк обратился к идее Блаженного Августина о двух градах, считая идеал империи возможным только как воплощение града небесного¹². Во время этого распада империя, созданная Оттоном I и его последова-

⁸ Goetz, H.-W. *Geschichtschreibung und Geschichtsbewußtsein im hohen Mittelalter*. Berlin, 2008. S. 96–97.

⁹ Bláhová, M. Herrschergenealogie als Modell der Dauer des «politischen Körpers» des Herrschers im mittelalterlichen Böhmen, in: *Das Sein der Dauer* / Hrsg. von A. Speer, D. Wirmer. Berlin, New York, 2008. S. 381.

¹⁰ Goetz, H.-W. *Geschichtschreibung und Geschichtsbewußtsein*. S. 96–97; Schwarzbauer, F. *Geschichtszeit: Über Zeitvorstellungen in den Universalchroniken Frutolfs von Michelsberg, Honorius' Augustodunensis und Ottos von Freising*. Berlin, 2005. S. 73–75.

¹¹ Otto Frisingensis. *Otonis episcopi Frisingensis Chronica sive Historia de duabus civitatibus* / Hrsg. von A. Hofmeister. Hannover, 1912.

¹² Goetz, H.-W. *Das Geschichtsbild Ottos von Freising: Ein Beitrag zur historischen Vorstellungswelt und zur Geschichte des 12. Jahrhunderts*. Köln, 1984. S. 305; Goetz, H.-W. *Otto von Freising*, in: *Neue Deutsche Biographie*. Bd. 19. S. 684–686; Ehlers, J. *Otto von Freising, ein Intellektueller im Mittelalter: eine Biographie*. München, 2013. S. 166–213; Miethke, J. *Zukunftshoffnung, Zukunftserwartung, Zukunftsbeschreibung im 12 und 13 Jahrhundert. Der Dritte Status des Joachim von Fiore im Kontext*, in: *Ende und Vollendung: eschatologische Perspektiven im Mittelalter* / Hrsg. von J. A. Aertsen, M. Pickavé. Berlin; New York, 2002. S. 504–524. S. 509; Schmieder, F. *Mittelalterliche Zukunftsgestaltung im Angesicht des Weltendes*. Köln, 2015. S. 87–91.

телями, виделась Оттону как сумма ранее существовавших до ее создания регионов, т. е. «Галлии», «Германии» и других¹³. Более того, существование в рамках империи первой и даже отнесение к ее границам таких рейнских городов как Шпайер было попыткой этого автора в период значительного кризиса воспользоваться аурой *translatio imperii*, т. е. передачи имперской легитимности и достоинства от Римской империи через Галлию и королевство франков в Священную Римскую империю¹⁴. В силу кризиса идеи империи ранние гуманисты, а именно Петрарка, считали, что только монархия является способом организации власти, необходимой для выведения Италии из кризиса. В его представлениях не было места империи как позитивной силе, способной принести порядок в итальянские города и в Европу в целом¹⁵. В Англии представления об империи постепенно отмирали и к позднему Средневековью перестали привлекать внимание образованных людей¹⁶.

Именно в рамках этих позднесредневековых представлений о кризисе и падении империи (причем кризисе именно в высоком и позднем Средневековье) и оценивались мнения ранних гуманистов относительно перехода от Античности к Средневековью. Считалось, не всегда оправданно, что между общественно-политическими воззрениями позднего Средневековья и раннего Нового времени было не так уж много различий¹⁷. Позволим себе не согласиться с этим. Стоит в целом поставить совершенно другие вопросы относительно видения гуманистами империи и ее истории, потому что в оригинальных сочинениях специалист по поздней Античности и раннему Средневековью может найти большое количество интересных утверждений, спектр которых колеблется от навеянных “дивинацией” автора до откровенно

¹³ Goetz, H.-W. Das Geschichtsbild Ottos von Freising. S. 28, 39–43.

¹⁴ Goetz, H.-W. Das Geschichtsbild Ottos von Freising. S. 155; Ehlers, C. Geistliche Zentralorte zwischen Liturgie, Architektur, Gottes- und Herrscherlob: Limburg und Speyer. Göttingen, 2005. S. 133–134.

¹⁵ Stacey, P. Roman monarchy and the Renaissance prince. Cambridge; New York, 2007. P. 146.

¹⁶ Federico, S. New Troy: fantasies of empire in the late Middle Ages. Minneapolis, 2003. P. 131.

¹⁷ Canning J. P. Politics, institutions, and ideas // The Cambridge History of Medieval Political Thought c. 350–c. 1450 / Ed. by J. Burns. Cambridge, 1988. P. 366.

идеологизированных утверждений, повторявших широко распространённые максимы. Представляется, что недостаточно просто обрисовать мнения историков эпохи гуманизма в отношении падения Западно-Римской империи, и обозначить их расхождения в плане хронологии этого события, а также оценки негативных аспектов Средневековья. Гуманистов, как мы считаем, интересовало как раз не столько падение Римской империи на Западе, сколько, наоборот, те механизмы, которые позволяли ей существовать в качестве единого политического образования в очень разнообразном мире Средиземноморья. Мир, в котором жили Леонардо Бруни, Флавио Бьондо, Эней Сильвио Пикколомини, был миром не краха империи, как это было для Оттоно Фрейзингенского, Петрарки и других образованных людей Средневековья, а миром, в котором была ещё жива память о попытках Запада помочь Византийской империи в противостоянии туркам-османам. В 1380–1390-е гг. венецианцы и генуэзцы попытались ввязаться в византийские дела, поддерживав соперничавших претендентов на престол¹⁸. Приезд Мануила Хризолора в Италию в 1390 г. дал значительный импульс европейским правителям и папству в плане объединения своих усилий для помощи Византии, а также способствовал распространению греческого влияния и последующему развитию гуманизма¹⁹. Представляется возможным выдвинуть гипотезу, что тесные отношения Европы с Византией заставили образованных людей, тем более учившихся у Мануила Хризолора и его учеников, думать не столько о падении Римской империи, сколько наоборот, задуматься о единстве западного и восточного Средиземноморья, Западной и Восточной империй и поставить вопросы о внутренней стабильности империи в целом. Хотелось бы предложить тезис, что главной заботой историков этого периода было понять то, что держало Запад и Восток вместе в поздней Античности, а также исследовать, как это единство способствовало возникновению единой Европы в Средние века и ее консолидации перед лицом османской опасности.

¹⁸ Necipoğlu N. *Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and society in the late empire*. Cambridge; New York, 2009. P. 130–132.

¹⁹ *Thompson, I.* Manuel Chrysoloras and the early Italian Renaissance, in: *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 1966. Vol. 7. P. 63–82; *Thorn-Wikkert, L.* Manuel Chrysoloras (ca. 1350–1415): Eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenistischen Studien in der italienischen Renaissance. Frankfurt am Main, 2006.

Следует отметить, что в трудах гуманистов XIV в. мы можем увидеть обращение к темам тесного взаимоотношения между западной и восточной частями Римской империи в поздней Античности и постоянное повторение тезиса о единстве интересов между как западными императорами и Константинополем. Таким образом, главной темой будет проблема стабильности Римской империи фундаментального феномена европейской истории в поздней Античности, и как формообразующего факторы истории как раннего, так и высокого Средневековья. В качестве рабочей гипотезы можно отметить, что для большинства гуманистов, несмотря на широкое распространение республиканских идеалов в среде интеллектуалов итальянских городов-коммун, Римская империя была не просто историческим политическим образованием, а идеалом политической организации, несущим порядок для Европы как в поздней Античности, в раннем Средневековье, так и в современном им периоде.

В своем сочинении «История Флоренции» Леонардо Бруни не просто изложил материал средневековых хроник, а фактически создал новую историческую парадигму, подчас задавая прошлому нелicenseприятные вопросы и даже по новому оценивая события²⁰. Он не просто ввел в употребление понятие Средних веков как нового исторического периода (хотя он и не употребил этот термин), который начался с падения Римской империи в результате вторжений варваров²¹. Однако в его представлениях о поздней Римской империи было заключено намного более, чем просто образ распадающейся под давлением внешних и внутренних при-

²⁰ *Ianziti, G.* Challenging chronicles: Leonardo Bruni's History of the Florentine people, in: *Chronicling History: Chroniclers and Historians in Medieval and Renaissance* / Ed. by S. Dale, A. W. Lewin, et al. University Park, PA, 2007. P. 249–272. P. 250; *Struever, N. S.* The language of history; *Connell, W. J.* Italian Renaissance Historical Narrative. P. 352; *Cabrini, A. M.* Macchiavelli's Florentine histories, in: *The Cambridge companion to Machiavelli* / Ed. by J. M. Najemy. Cambridge, 2010. P. 128–143. P. 130.

²¹ *Burke, P.* The Renaissance sense. P. 134; *Вайнштейн, О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. Москва, 1964. С. 248–249, 258; *Brunner, O., Conze, W.* Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972. Bd. 4. S. 98; *Fahlbusch, E., Bromiley, G. W.* The Encyclopedia of Christianity. Grand Rapids, 2003. P. 518; *Günther, H., Mannoni, O.* Le Temps de l'histoire: Expérience du monde et catégories temporelles en philosophie de l'histoire: De saint Augustin à Pétrarque, de Dante à Rousseau. Paris, 1995. P. 108; *Ambrosioni, A., Zerbi, P.* Problemi di storia medioevale. Milano, 1988. P. 15; *Fried, J., Lewis, P.* The Middle Ages. Cambridge, 2015. P. vii.

чин структуры власти Рима в Средиземноморье. Он описывает этот период так, что ставит большое количество проблем, причем падение Западно-Римской империи не является среди них главной. Раздел империи он рассматривал как внутреннюю практику власти, которая определялась необходимостью править большими территориями в Средиземноморье он отнес ко времени смены династии Флавиев династией Нервы-Антонинов. Интересно отметить, что введение соправительства он приписывал не Диоклетиану, а Нерве, двенадцатому императору после Октавиана Августа²². Можно отметить, что драматический в период в истории Римской империи, который все историки однозначно оценивают как время очень тяжелых испытаний для власти, он видел, наоборот, в позитивных тонах как один из обычных эпизодов истории Рима. В частности, усыновление императором Нервой (96–98 гг.) Траяна, которое рассматривалось современниками как драматический эпизод правления этого императора, как необходимую уступку перед лицом неприятия его со стороны большей частью армии и гражданского аппарата империи, Бруни воспринимал именно как нормальную практику соправительства²³. Это была, конечно, только его точка зрения, в которой он пытался сбавить драматизм Римской истории и показать разделы власти как нормальную практику власти. Более того, можно отметить, что известный всем факт о происхождении большинства императоров IV в. из дунайских провинций он стремился представить как контролируемый самим Римом процесс распространения своей власти на новые провинции и стратегические регионы Средиземноморья²⁴. Однако современные исследователи называют этот процесс результатом своего рода революции, произошедшей с приходом к власти Константина Великого²⁵. Таким образом, Бруни стремился не обращать внимание на центробежные

²² *Leonardo Bruni*. *Historiarum florentinarum libri XII*. Argentoratum, 1610. P. 16.

²³ *Cassius Dio*. *Roman history* / Ed. E. Cary; H. B. Foster. London; New York, 1914. LXVIII. 3.

²⁴ *Demandt, A.* *Geschichte der Spätantike: Das römische Reich von Diokletian bis Justinian 284–565 n. Chr.* München, 1998. S. 185; *Leonardo Bruni*. *Historiarum florentinarum libri XII*. P. 16.

²⁵ *van Dam, R.* *The Roman revolution of Constantine*. New York, 2007. P. 10; *van Dam, R.* *Remembering Constantine at the Milvian Bridge*. New York, 2011. P. 49.

процессы в Римской империи и видеть в ней единое политическое образование, а перераспределение власти рассматривал как полностью контролируемый императорами процесс.

Сочинения современника Бруни Энея Сильвио Пикколомини, как правило, игнорировались в том, что относилось к истории империи. Однако заметим, что несмотря на то, он обращал внимание в основном на современные ему события, в его сочинении мы тоже можем заметить постоянное оперирование идеей империи как своего рода идеальным порядком власти. С его точки зрения, Европа была тождественна империи, когда в европейских делах был порядок. Турецкий султан стремится завладеть Европой именно как империей после того, как он уже завладел Византией: «Hanc quoque sedente Nicolao Quinto Pontifice maximo Mahumetes Turcarum imperator obsidione cinxit, et delecta moenium parte, ut ante relatatum est, vi cepit atque dirupit, [...] Qua victoria elatus ad Europae imperium aspirare cepit, coactisque ingentibus copiis per superiorem Mysiam...»²⁶. Однако если в европейских делах был беспорядок, тогда, например, когда турецкий султан добился победы над Византией, то на смену приходила идея христианской республики как альтернативы. «Nam vincere Turcas non huius aut illius regni opus, sed totius Christianae reipublicae videbatur»²⁷. Он признавал, что империя не была связана с Римом, а имела несколько центров. Одним из них, пусть и несколько анахронистично, он признавал Неаполь, центр Неаполитанского королевства. Имперская легитимность придавалась Неаполю посредством упоминания Октавиана Августа²⁸. Современные Пикколомини городские коммуны воспринимались им просто как земли, а не как реальная альтернатива империи: «Ingresso praesuli Florentinorum agrum»²⁹. Причиной отхода от имперского порядка и возникновения городов-государств он видел в том, что земли, где лежит Флоренция, были захвачены готским императором (Теодорихом?), поэтому там и произошел отход от уважения к империи и к ее структурам

²⁶ *Eneo Silvio Piccolomini*. Pii secundi, pontificis max, Commentarii rerum memorabilium quae temporibus suis contigerunt... Frankfurt, 1614. P. 33.

²⁷ *Eneo Silvio Piccolomini*. Commentarii rerum memorabilium. P. 34.

²⁸ *Eneo Silvio Piccolomini*. Commentarii rerum memorabilium. P. 35.

²⁹ *Eneo Silvio Piccolomini*. Commentarii rerum memorabilium. P. 48.

власти³⁰. Для Пикколомини империя присутствовала везде в Европе и последняя сохраняла свой имперский статус, но любые отклонения от признания власти империи, например, со стороны городских коммун, рассматривались как следствие разрушения Римского порядка в результате вторжений варваров.

Проблема империи как исторической категории в случае работ итальянских историков — это вопрос о формировании в рамках традиционного городского, локального историописания новых задач, связанных с попытками осмыслить единство Европы через призму ее единого прошлого в поздней Античности. В отличие от представлений людей позднего Средневековья, которые перестали видеть в империи живую, новую идею политической организации, гуманисты под влиянием византийских проектов итальянских торговых городов-республик (Венеции и Генуи), а также под влиянием интереса папства к восстановлению церковного единства в результате Флорентийской унии 1438 г. стали вновь испытывать живой интерес к единому прошлому в рамках позднеантичной Римской империи. Более того, империя для них стала фактически одним из понятий для описания современной им действительности той единой Европы, которую в течение какого-то времени они надеялись создать, причем в отличие от образованных людей Средневековья они воспринимали ее через итальянское прошлое, а не через Священную Римскую империю. Для гуманистов Альп одним из важнейших вопросов, когда они обращались к истории, был вопрос о стабильности империи в поздней Античности.

Информация о статье

Старостин, Д. Н., Кулешова, Е. В. Поздняя Римская империя в воззрениях ранних гуманистов и проблемы формирования исторической концепции перехода к Средним векам, В кн: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2016. Вып. 2 (14). С. 310–330.

Дмитрий Николаевич Старостин

к. и. н., старший преподаватель кафедры истории Средних веков, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5)
d.starostin@spbu.ru

³⁰ *Eneo Silvio Piccolomini*. *Commentarii rerum memorabilium*. P. 49.

Елена Владимировна Кулешова, к. и. н., доцент кафедры истории Средних веков, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5)

kuleshova27@gmail.com

УДК 17.022

Актуальность изучения проблемы восприятия империи в раннем Новом времени в ее конкретно-историческом выражении в истории поздней Античности, раннего Средневековья и в современных авторам политических событиях предопределена масштабом трансформаций в области исторического знания в целом и в том, что касается отражения представлений об идеальном образе власти в период перехода от позднего Средневековья к раннему Новому времени в сознании историков рассматриваемой эпохи, глубиной заимствования и использования ими античных концепций устройства и социума, в частности, идеи республики и ее антитезы, идеи империи, и малой изученностью использования идеи империи в сочинениях историков эпохи гуманизма и Возрождения. Если распространение концепции республики в хрониках итальянских городских коммун получило достаточное освещение, по крайней мере в виде исследования идеального образа устройства социума и образов «хорошего» и «дурного» правления, то динамика соотношения империи и республики как базовой дихотомии сознания образованных людей и историков поздней Античности, на труды которых стали опираться историки раннего Нового времени, не получила достаточного освещения в трудах исследователей. Более того, история обращения в этот период к империи как идеалу политического устройства в силу универсальности ее функций и миропорядка на основаниях мира и стабильности и, одновременно, как к примеру государственного устройства, которое рассматривалось с некоторым сомнением в силу слишком большого единовластия и даже тирании, описана только лишь фрагментарно. Проблема восприятия империи в трудах гуманистов рассматривается в контексте интереса к единому прошлому Европы в рамках позднеантичной Римской империи. В результате показывается, что концепции империи как исторического феномена были больше распространены в среде гуманистов, чем это может показаться, и что понимание поздней Античности и перехода к раннему Средневековью историками эпохи гуманизма и Возрождения повлияло на формирование нового образа империи как позитивной силы, способствующей синтезу средиземноморской культуры и культуры северной Европы.

Ключевые слова: Леонардо Бруни, Флавий Бьондо, Помпоний Лэт, Эней Сильвио Пикколомини, Августин

Starostin, D. N., Kuleshova, E. V. Pozdnyaya Rimskaya imperiya v vozzreniyakh rannikh gumanistov i problemy formirovaniya istoricheskoy kontseptsii perekhoda k Srednim vekam [The Late Roman Empire in the early humanist tradition and problems of formation of the historical concept of transaction to the Middle ages], in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture. 2016. Vol. 2 (14). P. 310–330.*

Dmitriy Nikolaevich Starostin

PhD in History, senior lecturer of medieval history, Institute of History, St. Petersburg State University (199034, Rossiya, Sankt-Peterburg, Mendeleevskaya linia, dom 5)

starostin.dmitry@gmail.com

Yelena Vladimirovna Kuleshova

PhD in History, assistant professor of medieval history, Institute of History, St. Petersburg State University (199034, Rossiya, Sankt-Peterburg, Mendeleevskaya linia, dom 5)

kuleshova27@gmail.com

The importance of empire as a historical and political phenomenon for the construction of the early modern historical paradigm is determined by the scale of transformations within the discipline of history in this period, and the amount of their borrowing from the Classical and Late Antique modes of thinking about society, and particularly about the republic and the empire as two complementary and at the same time conflicting ways of organizing society and structuring power within it. While the use of the idea of the «republic» in the urban environment of Italian city-states and in the works of history written therein has been studied to a considerable extent, the true dichotomy of the «empire» and the «republic», which actually served as a foundation for historical thinking among those interested in writing about the past, and especially the first part of this equation, received less or almost no attention. Moreover, the use of «empire» as a concept and an ideal image of authority due to its universalism and the peaceful stability it was believed to bring and at the same time a subtle distrust in it as a symbol of «tyranny» has been studied only in fragmentary ways. This article investigates the transformation of the image and representation of “empire” as a historical phenomenon of Late Antique Mediterranean. The image of it as a symbol of stability and a positive, constructive force will be investigated in the context of the growing interest to the Europe’s common past within the Late Antique Roman empire during the attempts in the 15th century to help the Byzantine empire and to create new structures of imperial authority in the late 15th–16th centuries. As a result, the article clarifies and elaborates early modern visions of empire as a historical phenomenon and shows how the new understanding of Late Antiquity

and the transition to the early Middle Ages by the historians belonging to the humanist and later to the general Renaissance groups contributed to the emergence of the new image of empire as a positive force that helped bring together the Mediterranean culture and the culture of northern Europe.

Keywords: Leonardo Bruni, Flavio Biondo, Pomponius Laetus, Aeneas Silvio Piccolomini, Augustine

Список источников и литературы

Ambrosioni, A., Žerbi, P. Problemi di storia medioevale. Milano: Vita e pensiero, 1988. 245 p.

Bláhová, M. Herrschergenealogie als Modell der Dauer des «politischen Körpers» des Herrschers im mittelalterlichen Böhmen, in: *Das Sein der Dauer* / Hrsg. von A. Speer, D. Wirmer. Berlin; New York: De Gruyter, 2008.

Brunner, O., Conze, W. Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart: E. Klett, 1972. 1094 S.

Burke, P. The Renaissance sense of the past. London: Edward Arnold, 1969. 154 p.

Cabrini, A. M. Macchiavelli's Florentine histories, in: *The Cambridge companion to Machiavelli* / Ed. by J. M. Najemy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 128–143.

Canning, J. Ideas of Power in the Late Middle Ages, 1296–1417. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 220 p.

Chronicling History: Chroniclers and Historians in Medieval and Renaissance / Ed. S. Dale, A. W. Lewin, et al. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2007. 351 p.

Cochrane, E. W. Historians and historiography in the Italian Renaissance. Chicago: University of Chicago Press, 1981. 649 p.

Coleman, E. Lombard City Annals and the Social and Cultural History of Northern Italy, in: *Chronicling History: Chroniclers and Historians in Medieval and Renaissance* / Ed. by S. Dale, A. W. Lewin, et al. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2007. P. 1–28.

Connell, W. J. Italian Renaissance Historical Narrative, in: *The Oxford History of Historical Writing* / Ed. by J. Rabasa, M. Sato, et al. Oxford: Oxford University Press, 2012. Vol. 3: 1400–1800. P. 347–363.

Cassius Dio. Roman history / Ed. E. Cary; H. B. Foster. London/New York: W. Heinemann; Macmillan, 1914.

Dam, R., van. Remembering Constantine at the Milvian Bridge. New York: Cambridge University Press, 2011. 309 p.

Dam, R., van. The Roman revolution of Constantine. New York: Cambridge University Press, 2007. 453 p.

Das Sein der Dauer / Hrsg. von A. Speer, D. Wirmer. Berlin/New York: De Gruyter, 2008. 604 S.

Demandt, A. Geschichte der Spätantike: Das römische Reich von Diokletian bis Justinian 284–565 n. Chr. München: Beck, 1998. 524 S.

Ehlers, C. Geistliche Zentralorte zwischen Liturgie, Architektur, Gottes- und Herrscherlob: Limburg und Speyer. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 298 S.

Ehlers, J. Otto von Freising, ein Intellektueller im Mittelalter: eine Biographie. München: C.H. Beck, 2013. 382 S.

Ende und Vollendung: Eschatologische Perspektiven im Mittelalter / Hrsg. von J. A. Aertsen, M. Pickavé. Berlin/New York: De Gruyter, 2002. 776 S.

Eneo Silvio Piccolomini. Pii secundi, pontificis max, Commentarii rerum memorabilium quae temporibus suis contigerunt... Frankfurt: in officina Aubriana, 1614. 909 p.

Fahlbusch, E., Bromiley, G. W. The Encyclopedia of Christianity. 5 vols. Grand Rapids: Eerdmans, 2003.

Federico, S. New Troy: Fantasies of empire in the late Middle Ages. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. 231 p.

Fried, J., Lewis, P. The Middle Ages. Cambridge: Harvard University Press, 2015. 589 p.

Goetz, H.-W. Das Geschichtsbild Ottos von Freising: Ein Beitrag zur historischen Vorstellungswelt und zur Geschichte des 12. Jahrhunderts. Köln: Böhlau, 1984. 392 S.

Goetz, H.-W. Geschichtschreibung und Geschichtsbewußtsein im hohen Mittelalter. Berlin: De Gruyter, 2008. 505 S.

Goetz, H.-W. Otto von Freising, in: *Neue Deutsche Biographie*. 26 vols. Berlin: Duncker & Humblot, 1999. Bd. 19. S. 684–686.

Goez, W. Translatio imperii: Ein Beitrag zur Geschichte des Geschichtsdenkens und der politischen Theorien im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Tübingen: Mohr, 1958. 408 S.

Grell, C. L'histoire au service d'ambitions hégémoniques. La monarchie française et l'instrumentalisation du passé au XVIIe siècle, in: *Les cours d'Espagne et de France au XVIIe siècle* / Éd. C. Grell, B. Pellistrandi. Madrid: Casa de Velázquez, 2007.

Grell, C. Références historiques et modèles politiques: Images du pouvoir impérial en Europe XVIe–XVIIIe siècles, in: *Revista de historiographia*, 2011. Vol. 14. P. 4–11.

Günther, H., Mannoni, O. Le Temps de l'histoire: Expérience du monde et catégories temporelles en philosophie de l'histoire: De saint Augustin à Pétrarque, de Dante à Rousseau. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, Paris, 1995. 265 p.

Hankins, J. Machiavelli, civic Humanism, and the Humanist politics of virtue, in: *Italian culture*, 2014. Vol. 32. No 2. P. 98–109.

Ianziti, G. Challenging chronicles: Leonardo Bruni's History of the Florentine people, in: *Chronicling History: Chroniclers and Historians in Medieval and Renaissance* / Ed. by S. Dale, A. W. Lewin, et al. University Park: Pennsylvania State University Press, 2007. P. 249–272.

Kelley, D. R. Foundations of modern historical scholarship: Language, law, and history in the French Renaissance. New York: Columbia University Press, 1970. x, 321 p.

Leonardo Bruni. Historiarum florentinarum libri XII. Argentoratum: Lazarus Zetzner, 1610.

Les cours d'Espagne et de France au XVIIe siècle / Éd. C. Grell, B. Pellistrandi. Madrid: Casa de Velázquez, 2007. xix, 331 p.

Miethke, J. Zukunftshoffnung, Zukunftserwartung, Zukunftsbeschreibung im 12 und 13 Jahrhundert. Der Dritte Status des Joachim von Fiore im Kontext, in: *Ende und Vollendung: eschatologische Perspektiven im Mittelalter* / Hrsg. von J. A. Aertsen, M. Pickavé. Berlin, New York: De Gruyter, 2002. S. 504–524.

Neue Deutsche Biographie. 26 Bd. Berlin: Duncker & Humblot, 1999.

Otto Frisingensis. Ottonis episcopi Frisingensis Chronica sive Historia de duabus civitatibus / Hrsg. von A. Hofmeister. Hannover: Hahn, 1912.

Schmieder, F. Mittelalterliche Zukunftsgestaltung im Angesicht des Weltendes. Köln: Böhlau, 2015. 170 S.

Schwarzbauer, F. Geschichtszeit: Über Zeitvorstellungen in den Universalchroniken Frutolfs von Michelsberg, Honorius' Augustodunensis und Ottos von Freising. Berlin: Akademie, 2005. 304 S.

Seebald, C. Libretti vom „Mittelalter“: Entdeckungen von Historie in der (nord)deutschen und europäischen Oper um 1700. Tübingen: M. Niemeyer, 2009. 502 S.

Skinner, Q. The Foundations of Modern Political Thought. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. Vol. 1: The Renaissance. xxiv, 305 p.

Stacey, P. Roman monarchy and the Renaissance prince. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007. ix, 341 p.

Starostin, D. N., Kuleshova, E. V. French érudites and the construction of Merovingian history, in: *Historia da Históriografia*, 2016. Vol. 21. P. 77–95.

Struever, N. S. The language of history in the Renaissance: Rhetoric and historical consciousness in Florentine humanism. Princeton: Princeton University Press, 1970. 212 p.

The Cambridge companion to Machiavelli / Ed. J. M. Najemy. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. xvii, 282 p.

The Oxford History of Historical Writing / Ed. J. Rabasa, M. Sato, et al. Oxford: Oxford University Press, 2012. Vol. 3: 1400–1800. 752 p.

Thompson, I. Manuel Chrysoloras and the early Italian Renaissance, in: *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 1966. Vol. 7. P. 63–82.

Thorn-Wikkert, L. Manuel Chrysoloras (ca. 1350–1415): Eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenistischen Studien in der italienischen Renaissance. Frankfurt am Main: Lang, 2006. 331 S.

Бобкова, М. С. Новоевропейская варварология в исторических трактатах XVI в., В кн.: *Цивилизация и варварство*, 2013. Вып. 2. С. 246–269.

Бобкова, М. С. Соотношение объективности и субъективности в поисках исторической истины в сочинениях раннего Нового времени, В кн.: *Проблемы исторического познания*, 2012. Вып. 1. С. 130–142.

Вайнштейн, О. Л. Западноевропейская средневековая историография. Москва: Наука, 1964. 483 с.

Старостин, Д. Н., Кулешова, Е. В. Проблема прихода к власти Меровингов в трудах французских эрудитов XVI в. сквозь призму истории о Хильдерике, В кн.: *Молодой ученый*, 2015. Вып. 13. С. 551–556.

Старостин, Д. Н., Кулешова, Е. В. Французские историки XVI в. о начале истории королевства франков: публикация глав о приходе к власти короля Хильдерика (ум. 481/482) из сочинений Бернара Дюгайяна (1535–1610) и Клода Фоме (1530–1602), В кн.: *Молодой ученый*, 2015. Вып. 17. С. 402–412.

References

Aertsen, J. A., Pickavé, M. (Hrsg. von). Ende und Vollendung: eschatologische Perspektiven im Mittelalter. Berlin/New York: De Gruyter, 2002. xiii, 763 S.

Ambrosioni, A., Zerbi, P. Problemi di storia medioevale. Milano: Vita e pensiero, 1988. 245 p.

Bláhová, M. Herrschergenealogie als Modell der Dauer des «politischen Körpers» des Herrschers im mittelalterlichen Böhmen, in: *Speer, A; Wirmer, D.* (Hrsg. von). *Das Sein der Dauer*. Berlin, New York: De Gruyter, 2008.

Bobkova, M. S. Novoevropejskaja «varvarologija» v istoricheskikh traktatah XVI v. [The New European «Varvarology» in the 16th Century Historical Treatises], in: *Civilizacija i varvarstvo*, 2013. Vyp. 2. P. 246–269. (in Russian).

Bobkova, M. S. Sootnoshenie ob'ektivnosti i sub'ektivnosti v poiskakh istoricheskoy istiny v sochineniyakh rannego novogo vremeni [The correlation of objectivity and subjectivity in the search of historical truth in the works of the early modern period], in: *Problemy istoricheskogo poznaniya*, 2012. Vyp. 1. P. 130–142 (in Russian).

Brunner, O., Conze, W. Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart: E. Klett, 1972. xii, 1082 S.

Burke, P. The Renaissance sense of the past. London: Edward Arnold, 1969. 154 p.

Burns, J. (Ed.). *The Cambridge History of Medieval Political Thought c. 350–c. 1450*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 808 p.

Cabrini, A. M. Macchiavelli's Florentine histories, in: *Najemy, J. M.* (Ed.). *The Cambridge companion to Machiavelli*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 128–143.

Canning, J. *Ideas of Power in the Late Middle Ages, 1296–1417*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 220 p.

Canning, J. P. Politics, institutions, and ideas, in: *Burns, J.* (Ed.). *The Cambridge History of Medieval Political Thought c. 350–c. 1450*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 341–366.

Cary, E.; Foster, H. B. (Ed.). *Cassius Dio*. Roman history. London/New York: W. Heinemann; Macmillan, 1914.

Cochrane, E. W. *Historians and historiography in the Italian Renaissance*. Chicago: University of Chicago Press, 1981. 649 p.

Coleman, E. Lombard City Annals and the Social and Cultural History of Northern Italy, in: *Dale, S.; Lewin, A. W.; Osheim, D. J.* (Ed.). *Chronicling History: Chroniclers and Historians in Medieval and Renaissance*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2007. P. 1–28.

Connell, W. J. Italian Renaissance Historical Narrative, in: *Rabasa, J.; Sato, M.; Tortarolo, E.; Woolf, D. R.; Hesketh, I.* (Ed.). *The Oxford History of Historical Writing*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 347–363.

Dale, S., Lewin, A. W., et al. (Ed.). *Chronicling History: Chroniclers and Historians in Medieval and Renaissance*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2007. xix, 332 p.

Dam, R., van. *Remembering Constantine at the Milvian Bridge*. New York: Cambridge University Press, 2011. xiii, 296 p.

Dam, R., van. *The Roman revolution of Constantine*. New York: Cambridge University Press, 2007. xii, 441 p.

Demandt, A. *Geschichte der Spätantike: Das römische Reich von Diokletian bis Justinian 284–565 n. Chr.* München: Beck, 1998. xxv, 500 S.

Ehlers, C. *Geistliche Zentralorte zwischen Liturgie, Architektur, Gottes- und Herrscherlob: Limburg und Speyer*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2005. 298 S.

Ehlers, J. *Otto von Freising, ein Intellektueller im Mittelalter: eine Biographie*. München: C. H. Beck, 2013. 382 S.

Eneo Silvio Piccolomini. *Pii secundi, pontificis max, Commentarii rerum memorabilium quae temporibus suis contigerunt...* Francfurt: in officina Aubriana, 1614. 909 p.

Fahlbusch, E., Bromiley, G. W. *The Encyclopedia of Christianity*. 5 vols. Grand Rapids: Eerdmans, 2003.

Federico, S. New Troy: fantasies of empire in the late Middle Ages. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003. xxiv, 207 p.

Fried, J., Lewis, P. The Middle Ages. Cambridge: Harvard University Press, 2015. xi, 580 p.

Goetz, H.-W. Das Geschichtsbild Ottos von Freising: Ein Beitrag zur historischen Vorstellungswelt und zur Geschichte des 12. Jahrhunderts. Köln: Böhlau, 1984. x, 382 S.

Goetz, H.-W. Geschichtschreibung und Geschichtsbewußtsein im hohen Mittelalter. Berlin: De Gruyter, 2008. 505 S.

Goetz, H.-W. Otto von Freising, in: Neue Deutsche Biographie. 26 vols. Berlin: Duncker & Humblot, 1999. Bd. 19. S. 684–686.

Goetz, W. Translatio imperii: Ein Beitrag zur Geschichte des Geschichtsdenkens und der politischen Theorien im Mittelalter und in der frühen Neuzeit. Tübingen: Mohr, 1958. viii, 400 S.

Grell, C. L'histoire au service d'ambitions hégémoniques. La monarchie française et l'instrumentalisation du passé au XVIIe siècle, in: *Grell, C; Pellistrandi, B.* (Ed.). *Les cours d'Espagne et de France au XVIIe siècle.* Madrid: Casa de Velázquez, 2007.

Grell, C. Références historiques et modèles politiques: Images du pouvoir impérial en Europe XVIe–XVIIIe siècles, in: *Revista de historiographía*, 2011. Vol. 14. P. 4–11.

Grell, C., Pellistrandi, B. (Éd.). *Les cours d'Espagne et de France au XVIIe siècle.* Madrid: Casa de Velázquez, 2007. xix, 331 p.

Günther, H., Mannoni, O. Le Temps de l'histoire: Expérience du monde et catégories temporelles en philosophie de l'histoire: De saint Augustin à Pétrarque, de Dante à Rousseau. Paris: Éditions de la Maison des sciences de l'homme, Paris, 1995. xi, 256 p.

Hankins, J. Machiavelli, civic Humanism, and the Humanist politics of virtue, in: *Italian culture*, 2014. Vol. 32, No. 2. P. 98–109.

Hofmeister, A. (Hrsg. von). *Otto Frisingensis.* Ottonis episcopi Frisingensis Chronica sive Historia de duabus civitatibus. Hannover: Hahn, 1912.

Ianziti, G. Challenging chronicles: Leonardo Bruni's History of the Florentine people, in: *Dale, S.; Lewin, A. W.; Osheim, D. J.* (Ed.). *Chronicling History: Chroniclers and Historians in Medieval and Renaissance.* University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2007. P. 249–272.

Kelley, D. R. Foundations of modern historical scholarship: Language, law, and history in the French Renaissance. New York: Columbia University Press, 1970. x, 321 p.

Leonardo Bruni. Historiarum florentinarum libri XII. Argentoratum: Lazarus Zetzner, 1610.

Miethke, J. Zukunftshoffnung, Zukunftserwartung, Zukunftbeschreibung im 12 und 13 Jahrhundert. Der Dritte Status des Joachim von Fiore im Kontext, in: *Aertsen, J. A.; Pickavé, M.* (Hrsg. von). *Ende und Vollendung: eschatologische Perspektiven im Mittelalter*. Berlin, New York: De Gruyter, 2002. S. 504–524.

Najemy, J. M. (Ed.). *The Cambridge companion to Machiavelli*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. xvii, 282 p.

Necipoglu, N. Byzantium between the Ottomans and the Latins: Politics and society in the late empire. Cambridge/New York: Cambridge University Press, 2009. xvii, 350 p.

Neue Deutsche Biographie. 26 Bd. Berlin: Duncker & Humblot, 1999.

Rabasa, J., Sato, M., et al. (Ed.). *The Oxford History of Historical Writing*. Oxford: Oxford University Press, 2012. 752 p.

Schmieder, F. *Mittelalterliche Zukunftsgestaltung im Angesicht des Weltendes*. Köln: Böhlau, 2015. 170 S.

Schwarzbauer, F. *Geschichtszeit: über Zeitvorstellungen in den Universalchroniken Frutolfs von Michelsberg, Honorius' Augustodunensis und Ottos von Freising*. Berlin: Akademie, 2005. 304 S.

Seebald, C. *Libretti vom «Mittelalter»: Entdeckungen von Historie in der (nord)deutschen und europäischen Oper um 1700*. Tübingen: M. Niemeyer, 2009. ix, 493 S.

Skinner, Q. *The Foundations of Modern Political Thought*. 2 vols. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. Vol. 1: *The Renaissance*. xxiv, 305 p.

Speer, A., Wirmer, D. (Hrsg. von). *Das Sein der Dauer*. Berlin/New York: De Gruyter, 2008. 604 S.

Stacey, P. *Roman monarchy and the Renaissance prince*. Cambridge/New York: Cambridge University Press, 2007. ix, 341 p.

Starostin, D. N., Kuleshova, E. V. *Frantsuzskie istoriki XVI v. o nachale istorii korolevstva frankov: publikatsiya glav o prikhode k vlasti korolya Khil'derika (um. 481/482) iz sochineniy Bernara Dyugayyana (1535–1610) i Kloda Foshe (1530–1602)* [French historians of the 16th century on the beginning of the kingdom of the Franks: Publication of the chapters on the coming of king Childeric to power from the works of Bernard de Girard, Sieur Du Haillan (1535–1610) and Claude Fauchet (1530–1602)], in: *Molodoy uchenyy*, 2015. Vyp. 17. P. 402–412. (in Russian).

Starostin, D. N., Kuleshova, E. V. *French érudites and the construction of Merovingian history*, in: *Historia da Históriografia*, 2016. Vol. 21. P. 77–95.

Starostin, D. N., Kuleshova, E. V. *Problema prikhoda k vlasti Merovingov v trudakh frantsuzskikh eruditov XVI v. skvoz' prizmu istorii o Khil'derike* [The problem of the coming of the Merovingians to power in the treatises of

the French humanists through the prism of the history of king Childeric], in: *Molodoy uchenyy*, 2015. Вып. 13. P. 551–556. (in Russian).

Struever, N. S. The language of history in the Renaissance: Rhetoric and historical consciousness in Florentine humanism. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1970. 212 p.

Thompson, I. Manuel Chrysoloras and the early Italian Renaissance, in: *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 1966. Vol. 7. P. 63–82.

Thorn-Wikkert, L. Manuel Chrysoloras (ca. 1350–1415): Eine Biographie des byzantinischen Intellektuellen vor dem Hintergrund der hellenistischen Studien in der italienischen Renaissance. Frankfurt am Main: Lang, 2006. xii, 319 S.

Vajnshtejn, O. L. Zapadnoevropejskaja srednevekovaja istoriografija [Western European medieval historiography]. Moskva: Nauka, 1964. 483 p. (in Russian).